

Политический риск и корпоративная ответственность

БОРДОВСКИХ Анастасия Николаевна

Роли государств и корпораций в управлении политическим риском

Поразительное число специализированных отчетов, публикуемых лидирующими консалтинговыми компаниями и исследовательскими центрами, не оставляет сомнений в том, что политический риск не может не принимать во внимание корпоративным сообществом. Сегодня он является одним из ключевых факторов, влияющих на распределение мировых инвестиций и поведение международного бизнеса в целом. Большинство транснациональных компаний (ТНК) из стран БРИКС, в том числе из России, называют его в качестве основного параметра, влияющего на их решения о развитии экономической деятельности за рубежом¹. Корпорации внимательно следят за политической обстановкой в странах, где они ведут свои операции, отдавая себе отчет в том, что стабильная ситуация в стране и регионе не менее важны, чем размер и потенциальные возможности рынка. Тем не менее, как бы то ни было парадоксальным, несмотря на общую осведомленность о политическом риске, лишь немногие проводят его мониторинг на регулярной основе: 73% ТНК признаются, что у них отсутствует эффективный процесс управления политическими рисками². Большинство ограничивает проводимую оценку просмотром общедоступной информации,

¹ MIGA. World Investment and Political Risk in 2009. Washington: IBRD/The World Bank, 2010. P. 38.

² PWC and Eurasia Group Survey. How managing political risk improves global business performance // http://www.pwc.com/us/en/risk-compliance/assets/PwC_PoliticalRisk_052006.pdf. P. 3.

предоставляемой ведущими СМИ и консалтинговыми компаниями, а управление риском (работу по снижению его возможного негативного влияния) ограничивают соблюдением рекомендаций национальных и международных регуляторов, влиятельных аналитических центров и профессиональных союзов.

Таким образом, возникает очевидный парадокс. Корпоративная среда осознает опасность политических кризисов, однако если для мониторинга экономической стабильности в компаниях, как правило, работают целые департаменты высококвалифицированных специалистов, отслеживающих малейшие экономические колебания, то для рисков политической природы чаще всего не существует ни общей системы контроля, ни тем более заранее разработанных алгоритмов реакции на сигналы об опасных изменениях характера и уровня угрозы.

Отмеченное во вступлении противоречие между, с одной стороны, обеспокоенностью ТНК политическим риском и, с другой, отсутствием у них реальных механизмов управления можно объяснить двумя важными тенденциями последних двадцати лет. Первая связана с постепенным переносом акцента с вопросов политического риска на проблемы экономической стабильности развивающихся стран. Вторая — с расширением государственного и международного контроля за источниками политических рисков в мировом пространстве, что со временем сказалось на уменьшении механизмов заблаговременного предупреждения рисков на уровне самих корпораций.

Политический риск начал исследоваться в 1960-х–1970-х гг. в связи с волной национализаций иностранного бизнеса в развивающихся странах Латинской Америки и на Ближнем Востоке. В этот период наиболее частыми его проявлениями, особенно в сфере добычи и обработки природных ресурсов и в целом в стратегических отраслях народного хозяйства, являлись ограничение прав собственности или полная конфискация активов. Так, только между 1970 и 1979 гг. было зафиксировано 423 случая конфискации активов на-

циональными правительствами развивающихся стран³. По данным американского агентства страхования инвестиций, на убытки от экспроприации в это время приходится более 90% всех выплат⁴.

Со временем эволюция международного права, повышение внимания к проблеме со стороны правительств наиболее крупных инвестиционных игроков сказались на быстром количественном снижении рисков национализации и экспроприации. Появилось даже мнение, что эти два десятилетия были исключительным отрезком времени, которому они были свойственны, и что в условиях либерализации и усиления взаимозависимости рынков вероятность их реализации стремительно снижается⁵.

Действительно, с начала 1990-х гг. во многих странах проводятся либеральные реформы, направленные на усиление прозрачности и открытости функционирования политической системы. Формирование юридической базы гарантий прав собственности и уменьшение государственного контроля и вмешательства в экономику приводят к улучшению макрофакторов политического риска. Из 1097 внесенных в национальные законодательства изменений по вопросу прямых иностранных инвестиций в период с 1992 по 2000 гг. 94% было направлено на улучшение инвестиционного климата⁶.

На фоне видимого ослабления рисков политической природы в конце 1990-х — начале 2000х гг. внимание делового сообщества было сосредоточено на проблемах экономики развивающихся стран. Главное беспокойство в новой системе международных отношений касалось возможности незапного формирования и крайне быстрого распространения экономических кризисов. Рецессия конца 1980-х — начала 1990-х гг., азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., ар-

³ MIGA. World Investment and Political Risk in 2009. Washington: IBRD/The World Bank, 2010. P. 28.

⁴ O'Sullivan R. Learning from OPIC's Experience with Claims and Arbitration // International Political Risk Management. Looking to the Future / Ed. Moran T., West G. Washington, D.C.: The World Bank, 2005. P. 31.

⁵ Kobrin S. Expropriation as an Attempt to Control Foreign Firms in LDC: Trends from 1960–1979 // International Studies Quarterly. 1984, Vol. 28, №3. P. 329–348

⁶ UNCTAD World Investment Report. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. NY and Geneva: United Nations, 2006. P.24.

гентинский экономический кризис 1999–2000 гг. и, наконец, глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг., приведший к ужесточению проблемы суверенного долга в Европе, являлись определяющими факторами для международного бизнеса на протяжении двух последних десятилетий.

До определенного времени компаниями выделялись серьезные средства на привлечение внутренних и внешних специалистов для постоянного аудита политического окружения их бизнеса в разных странах. Ни один процесс принятия стратегических решений не обходился без учета факторов политической природы. Тем не менее со временем компании стали постепенно сокращать бюджеты, выделяемые на экспертный анализ, и все чаще прибегать к использованию количественных методов для получения стоимостного выражения риска (определения размера потенциального ущерба), позволяющего затем определить требуемый объем резервного фонда на покрытие непредвиденных убытков⁷. Политический риск, как это ни кажется парадоксальным, в корпоративном восприятии постепенно превратился в экономическую категорию, он стал всего лишь одним из элементов общего инвестиционного риска, определяемого на основе сложных эконометрических моделей.

На фоне ослабления интереса к политическому риску в корпоративной среде государственные и международные организации, наоборот, существенным образом расширили деятельность по контролю за его уровнем в мировом пространстве. Пренебрежение анализом политических рисков на корпоративном уровне, таким образом, отчасти можно объяснить переходом этой функции к другим институтам. Ответственность за своевременное информирование делового мира об изменении политических условий ведения бизнеса в какой угодно части света легла на плечи оборонных министерств, разведывательных органов, национальных экспортных агентств, специализированных межпра-

⁷ Clark E. Valuing Political Risk // Journal of International Money and Finance. 1997, Vol. 16, No. 3. P. 477–490. Shapiro A. Multinational Financial Management. 4th ed. USA, 1992. P. 468.

вительственных организаций типа МАР, МЦИРИС, МИГА, а также целого ряда международных ассоциаций, регуляторов и надзоров. Стоит в этот список также включить и ряд негосударственных структур, мыслительных центров и консалтинговых агентств, которые регулярно публикуют общемировые рейтинги и обзоры, рассматриваемые деловой средой в качестве прямого руководства к действию. Иными словами, корпорации не отказались от анализа политических рисков полностью, но скорее провели своего рода «аутсорсинг», передав эту функцию внешним структурам.

Следует отметить, что подобная отстраненность бизнеса от политических факторов его деятельности не является чем-то новым в истории. В 1960-е гг., несмотря на большие убытки американского бизнеса на Кубе, компаниями не проводилось системного внутреннего анализа политического риска⁸. Только после переворота в Никарагуа и революции в Иране «вместе с миллионами долларов потерь американского бизнеса начался расцвет индустрии политического риска»⁹. Саймон пишет о символическом значении именно этих убытков: «нежелание, а может быть, неспособность администрации Картера поддержать режимы Сомосы и Пехлеви были восприняты американским бизнесом как знак ослабления американской власти»¹⁰. Нефтяное эмбарго 1973 г., а затем перевороты в Никарагуа и Иране заставили американские корпорации осознать ограниченность влияния их национального правительства и, в связи с этим, необходимость как проводить собственную оценку политического риска, так и заблаговременно формировать стратегии по преодолению его негативного влияния. Леонид Мазун приводит интересные данные по проведенному в 1985 г. опросу американского бизнеса. Несмотря на фактическое отсутствие до конца 1970-х гг. внутрикорпоративных систем оценки политического риска, уже к 1983 г., всего

⁸ Root, Franklin R. U.S. Business Abroad and Political Risks // MSU Business Topics. 1968, Winter. P. 75.

⁹ Simon, Jeffrey D. Political Risk Assessment: Past Trends And Future Prospects // Columbia Journal of World Business. 1982, Fall. P.76.

¹⁰ Ibid.

три года спустя после революции в Иране, 85% опрошенных американских корпораций «институализировали работу по его изучению»¹¹; и именно бизнесом был в итоге сделан самый большой вклад в развитие как теоретических подходов к изучению политического риска, так и практических мер по его регулированию.

В 1980-х гг. внимание бизнес-сообщества к проблеме политического риска оказало большое влияние на государства и международные организации, которыми вместе были приняты необходимые меры по улучшению инвестиционного климата в развивающихся странах. Усиливающаяся чувствительность бизнеса к политическому риску в этот период заставила правительства реформировать свои законодательные системы, предлагать больше гарантий инвесторам, сотрудничать с международными организациями в рамках выработки общих программ по демократизации этих стран, и, хотя политический риск по-прежнему выше на развивающихся рынках, чем в развитой части мира, его уровень несопоставим с периодом экспроприаций 1960-х — 1970-х гг.

Эпоха глобализации и новые политические риски

Опыт последних лет показывает, что регулирующей роли государства и международных организаций оказывается недостаточно для поддержания должного уровня безопасности как самого бизнеса, так и зависящих от него институтов и граждан. Важным изменением по сравнению с прошлыми периодами является эволюция самого политического риска. Появляются его новые формы с совершенно незнакомым ранее охватом ущерба и интенсивностью распространения, но также возвращаются считавшиеся пережитком прошлого классические риски национализации и экспроприации. Яркими примерами стали национализация добычи на нефтя-

¹¹ Мазун Л. Управление политическим риском в корпорациях США // Проблемы теории и практики управления. 1994, №6. С. 107.

ном поясе Ориноко в Венесуэле и активов YPF в Аргентине в 2012 г. События Арабской весны показали, насколько по-прежнему важны факторы политической нестабильности и смены политического режима — фундамент классических теорий политического риска, заложенный еще в 1960-х гг.¹²

Однако география политического риска сегодня не ограничена лишь развивающимися рынками. Они по-прежнему сохраняют за собой статус более опасных для инвестора зон, однако если раньше карты политического риска¹³ четко делили мир на красные тона повышенной угрозы на территориях развивающихся стран и зеленоватые тона пониженной угрозы в развитых частях мира, то сегодня это деление становится все более размытым. Усиление политических факторов риска можно наблюдать в большинстве западных государств. По данным опросов, с проявлением политического риска в США сталкиваются более 15% ТНК, в Западной Европе — 10%¹⁴. В наибольшей степени здесь распространены более «мягкие» риски — государственное блокирование сделок по слиянию и поглощению, протекционизм и прямое вмешательство государства в процесс принятия стратегических решений управленческого характера¹⁵.

Сегодня сложно найти государства, в которых бы политический риск равнялся нулю. Согласно последнему отчету министерства иностранных дел Франции, всего 40 стран мира могут в полной мере считаться безопасными¹⁶. Вместе с тем осуществлять инвестиции сегодня возможно даже в страны с самым высоким макрориском¹⁷. Угрозы все чаще носят индивидуальный характер, их формирование происходит под влиянием целого ряда параметров, среди которых общестрановые факторы не всегда имеют опре-

¹² Бордовских А. Политические риски международного бизнеса в условиях глобализации. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 102-103.

¹³ Публикуются агентствами AON, Marsh, Control Risks, Maplecroft и др.

¹⁴ Shinkman M. The Investors' View: Economic Opportunities versus Political Risk in 2007-2011 // World Investment Prospects to 2011. Foreign direct investment and the challenge of political risk. NY: Economist Intelligence Unit, 2007. P. 90.

¹⁵ Бордовских А.Н. Буссье Р. Европейская интеграция как новый источник политического риска // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013, №2. С. 60–68

¹⁶ Conseils aux voyageurs de 21 Decembre 2015 / Ministère des Affaires étrangères et du Développement international: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/conseils-aux-voyageurs/conseils-par-pays/>

¹⁷ Макрориск подразумевает изменения политической природы, угрожающие всей совокупности иностранных предприятий, ведущих операции с данным государством.

деляющее значение. Иными словами, риск становится все более асимметричным. В зависимости от характеристик инвестиционного проекта он имеет крайне неравномерное распределение в рамках одной и той же страны. Природа политического риска, как никогда раньше, обусловлена сегодня субъективными характеристиками каждого бизнеса в отдельности.

Данную асимметричность легко проследить на примере современной Украины. На карте АОН за 2015 г. Украина причислена к группе наиболее опасных стран и соседствует с такими государствами, как Ирак, Афганистан, Ливия и Судан. Однако анализ АОН сообщает информацию лишь об общем макрориске Украины для совокупности всех иностранных предприятий, имеющих свои интересы на украинской территории. Если в некоторых странах он, действительно, до сих пор имеет определенную однородность и может использоваться в качестве универсального показателя, то применительно к Украине данные оценки носят очень спорный характер.

Во-первых, риск в Украине асимметричен с географической точки зрения: представляется крайне затруднительным сопоставлять его уровень, например, в Донбассе, где шли боевые действия, и в Закарпатье, где туристическая инфраструктура не переставала успешно работать во все время конфликта. Во-вторых, риск будет меняться в зависимости от национальной принадлежности самого инвестора. Так, для русского бизнеса в Западной Украине он будет значительно выше, чем для компаний из Западной Европы. В-третьих, немаловажное значение будет иметь отрасль, в которой осуществляется проект. Таким образом, территорию Украины невозможно окрасить в какой-то единый цвет, соответствующий единой группе риска. Она скорее похожа на картинку калейдоскопа — в зависимости от применяемого критерия (национальности инвестора, структуры капитала и т.п.) цветовая мозаика будет постоянно меняться, отражая десятки разных микрорисков отдельных отраслей, регионов и индивидуальных проектов.

Основные рейтинги и индексы до сих пор основаны на страновом принципе, однако, как хорошо видно на примере Украины, границы одного государства все меньше подходят для дачи универсальных оценок. Проблема возникает не только в рамках определения вероятности наступления рискованного события, но и в процессе прогнозирования вида и размера потенциального ущерба.

Зарождаясь сегодня в одном государстве или регионе, политический риск может иметь свои последствия далеко за пределами его национальных границ. Жесткая взаимосвязь рынков, правительств, высочайший уровень обмена и передвижения ресурсов и капиталов, массовая миграция людей по всему миру, технологический прогресс и целый ряд других характеристик глобализованного сообщества создают условия для быстрого распространения риска по территории всего земного шара. Через сети, которые существуют сегодня на глобальном уровне, проблемы, берущие свое начало в одном государстве, моментально распространяются на территории других стран и переходят в разряд системных кризисов.

Речь идет не только о постепенном распространении риска на соседние территории и далее по цепочке из региона в регион, как это, например, происходило в ходе Арабской весны, но и о единовременном сквозном возникновении ущерба сразу в нескольких географических или отраслевых плоскостях. Политический риск сегодня глобален непосредственно с момента своего появления, ему не требуется времени на постепенное размножение и расширение своего воздействия — он возникает единовременно и сразу же имеет широкое покрытие, в чем и состоит его главная опасность и сложность предвидения. Глобализация становится своего рода мультипликатором политического риска: в условиях жесткой взаимозависимости государств, рынков и капитала единица прямого ущерба быстро оборачивается его многократным размером в глобальном пространстве взаимосвязанных между собой игроков.

Угрозы геополитического характера, не ограниченные территорией какого-либо государства и потенциально способные наносить вред далеко за пределами очага своего первичного возникновения, в настоящее время вызывают наибольшие опасения. Конфликт между США и Ираном, Украинский кризис, развитие исламского радикализма, война в Сирии и наступление «Исламского государства» — лишь несколько примеров подобных рисков. В прошлогоднем отчете Всемирного экономического форума в Давосе три из четырех первых позиций приходились именно на риски геополитического характера¹⁸.

Трагедия Boeing 777 — цена недооцененного политического риска

На примере Украинского кризиса легко проследить, как политический риск способен выходить за рамки локальных образований и становиться реальной угрозой в мировом масштабе. Так, в частности, крушение гражданского самолета Малайзийских авиалиний, бесспорно являющееся следствием риска политической природы, имело свои последствия далеко за пределами Донбасса и Украины. Наиболее очевидные — это риск банкротства Malaysia Airlines, падение рубля и котировок акций российских предприятий уже в первые дни после трагедии, торможение исследований в области СПИДа (на борту самолета находился один из лучших специалистов в этой области), но не стоит также забывать обо всех других потерях, которые по эффекту домино понесли компании в самых разных странах и сферах деятельности. Так, прямой ущерб Malaysia Airlines обернулся финансовыми потерями для десятка других компаний — начиная со всех авиаперевозчиков, акции которых сразу же упали на несколько пунктов, заканчивая страховыми и перестраховочными компаниями.

¹⁸ The Global Risks report 2015. 10th edition. Geneva: World Economic Forum, 2015. P. 9.

Первое, чему нас научила глобализация, — это отказаться от национального и регионального восприятия проблем экономического порядка и заменить его глобальным осмыслением возможных последствий финансовых кризисов. В общем увлечении этой материальной стороной глобализации стало казаться, что мировая стабильность подчинена законам не политического и не социального, а именно экономического порядка. Так, локальный конфликт на юго-востоке Украины даже не рассматривался в качестве прямой угрозы, все внимание было сосредоточено на оценке экономических последствий украинского кризиса в рамках вводимых США и Россией санкций.

Однако трагедия Boeing 777 на практике доказала, что даже локальные политические конфликты имеют прямое влияние на международную стабильность и инициируют потери для никак не задействованных в них субъектов. В отличие от экономических кризисов, в условиях которых бизнес самостоятельно выстраивает до деталей проработанную стратегию поведения, ответственность за политическую безопасность возлагается на государственные и международные структуры, которые должны предупреждать о формировании угрозы в том или ином государстве или регионе. В случае рейса МН17, однако, риск оказался недооценен и Государственной авиационной службой Украины, и IATA, и Евроконтролем.

Более десяти самолетов и вертолетов было сбито за время конфликта в украинском небе, однако ни одной из уполномоченных структур не было принято мер по усилению безопасности гражданских полетов в этом пространстве. Вопрос «Можно ли было избежать катастрофы?» требует ответа со стороны международных агентств и национальных государств, но не только. Насколько обосновано освобождение корпоративной среды от самостоятельной оценки рисков политической природы — является краеугольным вопросом в организации взаимодействия между государством и бизнесом в разделении ими социальной ответственности. Важно напомнить, что как минимум две авиакомпании (Qantas Airways и Cathay Pacific Airways) изменили свои маршруты

и избегали воздушного пространства на востоке Украины, несмотря на отсутствие каких-либо запретов от уполномоченных агентств.

Точно так же, как авиакомпании полагаются на решения авиационных служб о закрытии воздушных пространств регионов, где идут военные действия, туристические фирмы руководствуются публикуемыми МИДом их страны списками не рекомендуемых для поездок территорий, а ТНК усиливают безопасность своих экспатриированных сотрудников в зонах повышенного риска терроризма в соответствии с отчетами, подготовленными уполномоченными национальными и международными органами. В случаях, когда одним из этих институтов вовремя не была передана инструкция или рекомендация по изменению стратегий сообразно новым политическим условиям, для представителей деловой среды абсолютно естественным становится перекладывание ответственности за последствия реализации риска на государство или международный контрольный орган.

Заключение

Трагедия рейса MH17 — это цена за недостаточное внимание международной общественности, чиновников и бизнесменов к политической подоплотной современных кризисов и конфликтов, это еще одно подтверждение того, что экономика не имеет пока всеобъемлющей регулирующей роли и что многое по-прежнему зависит от решений и действий, в основе которых лежит политическая мотивация. Бизнес, обеспечивающий стабильность экономической системы и вносящий свой вклад в поддержание социального благополучия, должен осознать важность диагностики политического окружения своей деятельности.

Сегодня, в условиях трансформации самой природы политического риска, точно так же как в 1970-х гг., он может сыграть не менее важную, чем тогда, роль в укреплении международной безопасности. Активная позиция корпораций в вопросах управления политическими рисками станет существенным фактором улучшения глобальной безопасности. В

1960-е годы ни одна крупная компания не могла обойтись без помощи профессионального политического консультанта. Сегодня, однако, политический менеджмент ограничивается лоббизмом и GR, чего явно недостаточно для поддержания необходимого уровня безопасности своих операций.

Вопросы глобальной безопасности все чаще звучат в выступлениях и политических лидеров, и видных представителей бизнес-сообщества. Целый ряд правительственных и неправительственных международных организаций занимается обсуждением проблемы глобального политического риска и его влияния на бизнес и экономику в целом, но ими не принимается никаких конкретных мер по улучшению качества политического прогнозирования. В общем увлечении глобальными проблемами из внимания подчас ускользают их локальные источники.

Оставаться в стороне от локальных конфликтов, надеясь на их саморазрешение, является непозволительной и ошибочной стратегией для международного сообщества. Ситуация на Украине — яркое тому подтверждение, но далеко не единственное. Израильско-палестинский конфликт, который десятилетиями тлеет и снова разгорается без каких-либо конкретных решений или шагов со стороны третьих политических сил, имеет свои последствия далеко за пределами сектора Газы. Миграционный кризис в Европе, который имеет самые серьезные политические последствия для общества и для бизнеса, является прямым отголоском войны в Сирии. Остается надеяться, что полученный нами опыт в свете целой череды последних событий подтолкнет деловую и политическую элиту, в том числе и в России, к формированию необходимых для обеспечения глобальной безопасности мер распознавания и управления политическими рисками.

Библиография

1. Бордовских А.Н. Буссье Р. Европейская интеграция как новый источник политического риска // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013, №2. С. 60–68.
2. Бордовских А. Политические риски международного бизнеса в условиях глобализации. М.: Аспект-Пресс, 2015. 318 с.

3. Мазун Л. Управление политическим риском в корпорациях США // Проблемы теории и практики управления. 1994, №6. С. 104–111.
4. Clark E. Valuing Political Risk // Journal of International Money and Finance. 1997, Vol. 16, No. 3. P. 477–490.
5. Kobrin S. Expropriation as an Attempt to Control Foreign Firms in LDC: Trends from 1960–1979 // International Studies Quarterly. 1984, Vol. 28, №3. P. 329–348.
6. O'Sullivan R. Learning from OPIC's Experience with Claims and Arbitration // International Political Risk Management. Looking to the Future / Ed. Moran T., West G. Washington, D.C.: The World Bank, 2005. P. 30–74.
7. Root, Franklin R. U.S. Business Abroad and Political Risks // MSU Business Topics. 1968, Winter. P. 73–80.
8. Shapiro A. Multinational Financial Management. 4th ed. USA, 1992. 640 p.
9. Shinkman M. The Investors' View: Economic Opportunities versus Political Risk in 2007-2011 // World Investment Prospects to 2011. Foreign direct investment and the challenge of political risk. NY: Economist Intelligence Unit, 2007. P. 84–94.
10. Simon, Jeffrey D. Political Risk Assessment: Past Trends And Future Prospects // Columbia Journal of World Business. 1982, Fall. P. 62–71.
11. The Global Risks report 2015. 10th edition. Geneva: World Economic Forum, 2015. 69 p.
12. MIGA. World Investment and Political Risk in 2009. Washington: IBRD/The World Bank, 2010. 104 p.
13. PWC and Eurasia Group Survey. How managing political risk improves global business performance // http://www.pwc.com/us/en/risk-compliance/assets/PwC_PoliticalRisk_052006.pdf
14. UNCTAD World Investment Report. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. NY and Geneva: United Nations, 2006. 372 p.